

**РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ —
ПОСЛЕДСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
СПАСЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, ОСМЫСЛЕНИЕ**

Арсений Дмитриевич Куманьков

НИУ ВШЭ, старший преподаватель. E-mail: senyukum@gmail.com (1, 5)

Даниил Антонович Морозов

НИУ ВШЭ, студент. E-mail: damorozov1997@gmail.com (2)

Анна Вадимовна Насырова

МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант. E-mail: anna.bakhrushina@gmail.com (3)

Татьяна Станиславовна Алексанова

НИУ ВШЭ, студентка. E-mail: t.alex.soul@gmail.com (4)

*Статья посвящается памяти Бобана Чурича —
нашего доброго друга, коллеги и учителя, экстраординарного профессора
филологического факультета Белградского университета.*

Первая мировая война, революция, Гражданская война — вехи истории, и, осмысливая их, современный исследователь видит огромные панорамы, на которых разворачивалась судьба России в начале XX в. Стоит ли воспроизводить длинную цепочку исторических событий, приведшую русскую эмиграцию в Сербию?.. В первую очередь нас интересует поиск причинно-следственных связей. Точкой отсчета станет факт присутствия русских эмигрантов в Сербии, а не то, как именно они попали в этот гостеприимный край. Так мы обретем возможность не только исторического, но и историософского, культурного понимания «последствий Гражданской войны в России» для эмигрантов и для Сербии.

Яркие примеры взаимного влияния обеих стран можно обнаружить в небольшой статье Алексея Борисовича Арсеньева «У излучины Дуная. Русская колония в Нови-Саде» (Арсеньев, 2010: 148–151), с которой он познакомил участников летней школы «Русская эмиграция в Сербии. Портреты и судьбы» (25–31 августа 2019 г.). Множество интересных деталей русско-сербского взаимодействия Арсеньев отразил в лекции, прочитанной в Матице сербской — старейшем сербском литературно-научном сообществе, основанном в 1826 г.

Тему присутствия русских эмигрантов, оказавшихся в Сербии после Гражданской войны, мы решили раскрыть через три ключевых понятия, каждому из которых посвящен небольшой фрагмент текста: *спасение русской культуры, ее*

сохранение и осмысление Гражданской войны. Мы полагаем, что именно так можно точнее всего передать способ осмысления самими эмигрантами своего места в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) и той миссии поддержания жизни русской культуры, которая, как им виделось, лежит на них.

Ключевые слова: Гражданская война, эмиграция, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС), П. Н. Врангель, И. А. Ильин, П. Б. Струве, В. И. Бельский, деятели русской культуры в изгнании.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-1-47-64

1. Точка отсчета

Государства Балканского полуострова стали одним из основных районов, куда направлялись эмигранты, бывшие подданные Российской империи, в 1917–1920 гг. При этом беженцы прибывали сюда не одновременно: в исследовательской литературе принято устоявшееся обозначение этого процесса как трех волн русских, которые накатились на Балканы.

Первая (15–20 тысяч человек) отправилась из Одессы в апреле 1919 г. после эвакуации сил интервентов. Масса людей через Румынию переместилась в Болгарию и КСХС.

Вторая волна эмиграции поднялась зимой — весной 1920 г. Ее источниками стали опять-таки Одесса и Черноморское побережье Кавказа. Этот этап отмечен рядом трагических событий. Так, часть российских граждан, отправившаяся в феврале из Одессы в Румынию, не была пропущена через границу. Огонь, открытый румынскими пограничниками, и атаки Красной армии рассеяли толпы, появились жертвы. Трагедией закончилась и эвакуация из Новороссийска 26–27 марта 1920 г. Стремительное наступление армии большевиков породило отнюдь не безосновательную панику в городе, и места на судах, отправлявшихся в порты Румынии, Болгарии и Турции, хватило лишь для трети желающих эвакуироваться. Всего же во вторую волну от 35 до 45 тысяч человек покинули Россию.

Наконец, третий этап эмиграции на Балканы связан с окончанием белой борьбы на юге России. 11 ноября 1920 г. генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928), носивший титул Правителя и Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России, издал приказ, в котором были такие слова:

«Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок Русской земли, где существует право и правда. В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности. По моему приказанию уже приступлено к эвакуации

и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с Армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага» (цит. по: Левитов, 1974).

До 16 октября из портов Крыма отбыло чуть менее 150 тысяч человек. Большая часть из них отправилась в Константинополь. В конце 1920 г. до 70 тысяч офицеров и чинов русской армии были размещены в трех центрах: лагерях около городов Галлиполи и Чаталджи, а также на острове Лемнос. Началось печально известное Галлиполийское сидение, вызванное попытками Франции и Великобритании разоружить русскую армию генерала Врангеля и ликвидировать ее как боевую единицу. В марте 1921 г. бывшие союзники по Антанте прекратили финансирование русской армии, но уже 13 апреля были достигнуты принципиальные соглашения с сербским правительством о принятии почти 20 тысяч человек. В результате к 1922 г. в КСХС оказалось порядка 44 тысяч бывших подданных Российской империи (см. подробнее: Йованович, 2006: 83–172; Йованович, 1996: 27–45).

Литература

- Йованович М. (1996) Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования. // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик. С. 27–45.
- Йованович М. (2006) Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Русский путь.
- Левитов М. Н. (1974) Материалы для истории Корниловского ударного полка // Paris: Societe Dimprimerie Periodiques et Dedition. Электронный ресурс [код доступа]: <http://volunteerarmy.ru/put-v-emigraciyu.html> (дата обращения: 27 февраля 2020).

2. Спасение

Историческая личность в осмыслении русских философов: казус Врангеля

В Летней школе — 2019 фигура Петра Николаевича Врангеля стала одной из ключевых. Несмотря на реставрацию, нам все же удалось посетить церковь Святой Троицы в Белграде — символичное место для истории русской эмиграции. Именно там в 1929 г. был торжественно перезахоронен прах Врангеля. В Сремски-Карловци — небольшом городе, чья история неразрывно связана с темой нашего проекта (там располагался штаб Главнокомандующего русской армией), — А. Б. Арсеньев подвел нас к его памятнику, начав с этого экскурсию. Почему понятие «спасение» ассоциируется именно с личностью Врангеля?

В первую очередь это спасение русской армии, которое совершил Врангель на заключительных этапах Гражданской войны, будучи носителем титула Правителя и Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России. Крымскую

эвакуацию стоит назвать лишь началом — исходом русского воинства. Впереди его ожидало Галлиполийское сидение и ряд других событий. В рамках Летней школы данному сюжету большое внимание уделил один из руководителей проекта А. Д. Куманьков — в докладе «Русские волны на Дунае: белая эмиграция в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев».

Свои скитания русская армия, находившаяся после стольких испытаний в состоянии полной боевой готовности, завершила в балканских государствах. В Сербии центром сосредоточения русских сил стали те самые Сремски-Карловци. Находясь там, Врангель состоял в активной переписке с философом И. А. Ильиным. В письме от 27 апреля 1923 г. спаситель русской армии выражает надежду: «<...> недалек тот радостный час, когда ныне находящаяся на чужбине Русская армия вернется на Родину и будет принята Россией как духовно близкое и бесконечно родное» (Врангель, 1923). Надежда на возвращение и продолжение борьбы — лейтмотив, присущий выступлениям не только главнокомандующего, однако он буквально горел этой идеей. Возможно, надежда была источником, питавшим силы русской армии и позволившим ей пережить все сложности своеобразного «путешествия», начавшегося с крымской эвакуации и закончившегося в Сремски-Карловци. Там же 1 сентября 1924 г. по инициативе Врангеля был создан Русский общевоинский союз (РОВС).

Личность Петра Николаевича Врангеля играет большую роль и для сербов, в чем мы убедились в ходе встречи с режиссером документальных фильмов о русской эмиграции Бошко Милославлевицем. Милославлевицем показал фрагмент из нового фильма о В. В. Шульгине, рассказал и о предыдущем успешном творческом опыте — картине «Его благородие Барон Врангель», которую мы посмотрели по возвращении. Итак, спасение русской армии и ее дислокация в Сербии — заслуга и подвиг Врангеля.

Однако хотелось бы раскрыть и другой смысл слова «спасение».

25 апреля 1928 г. Петр Николаевич Врангель скончался в Брюсселе. Это событие открыло символическую перспективу, в которой возникают новые обертоны. В предисловии к «Философии права» Гегель писал: «<...> сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» (Гегель, 1990: 56). Так и смерть Врангеля стала тем «сумеречным» событием, которое дало толчок философской рефлексии о его личности.

Наиболее ярко это прослеживается на примере двух небольших статей (их сложно назвать некрологами) — И. А. Ильина (Ильин, 1928: 2)¹ и П. Б. Струве (Струве, 1928: 1). Обе статьи опубликованы в 35-м номере еженедельной газеты

¹ Далее цитируется по этому изданию. Важно отметить, что статья Ильина впоследствии была опубликована в собрании сочинений (Ильин, 2001: 212), там же можно найти другой важный текст — речь «Памяти героя», произнесенную 22 мая в Берлине (Там же: 202–210). — *Прим. ред.*

«Россия», выходявшей в Париже под редакцией Струве (от 5 мая 1928 г.). Один из оригиналов газетного выпуска хранится в «Доме русского зарубежья им. А. Солженицына», сотрудники которого предоставили нам доступ к архивному документу.

Текст Ильина получил название «Русскому рыцарю». Словосочетание требует отдельного внимания. Ильин отказывается верить в происшедшее и глубоко переживает потерю товарища, используя множество метафор и сравнений. Он ставит риторические вопросы: «Поняли ли мы, что спасение России требует великой ширины и великой гибкости, и что эта спасительная ширина и гибкость требует именно его рыцарственной идейности и принципиальности?» (Ильин, 1928: 2). Профессор Белградского университета Бобан Чурич в личной беседе обратил внимание на одно парадоксальное обстоятельство: Ильин рисует образ православного рыцаря, хотя православие и традиция рыцарства никак не совместимы. Сербский исследователь указал на еще более интересный аспект: «православным рыцарем» называли не только Врангеля, но и Александра I Карагеоргиевича (во втором случае подданные). Стоит отметить, что Врангель и Александр I активно сотрудничали в 1920-х гг.

Так что же заложено в образе рыцаря?

Прежде чем отвечать, вернемся к работе Ильина и отметим, что Врангель для него — «гениальный человек, данный России Провидением» (Там же). Исторические мотивы прослеживаются и в ранее приведенной цитате с риторическими вопросами о спасении. Мыслить современника в таком ключе было свойственно представителям русской эмиграции; это позволила понять лекция «“Совсем чужие друг другу...”: как русская эмиграция осознавала себя» доцента кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта Владаса Повилайтиса. Он был одним из лекторов Летней школы и вторым руководителем нашего проекта. В поле его исследовательских интересов находится философия истории русского зарубежья. В лекции он привел известную пословицу «русский человек задним умом крепок», которую можно прямо соотнести с трагическим вопрошанием Ильина.

Повилайтис отметил, что русские мыслители в эмиграции были крайне самокритичны в попытках ответить на главный вопрос: «Как случилось *это?*». Ильин упрекает не только себя, но и других русских эмигрантов, которые не поняли, что спасение России заключалось в личности, посланной Провидением: «Горе тем, кто и теперь не почувствовал этого и не понял!» (Там же). Обращаясь к тем, кто до сих пор «не понял», Ильин формулирует тезис, с которым коррелирует основная установка Повилайтиса: «И если много будет таких среди нас, тогда ход истории выразит и довершит суд Божий над русским зарубежьем» (Там же). Итак, под «спасением» в рамках нашего исследования понимается сохранение не только русской армии, совершенное Врангелем, но и самой России — «России духовной», чья судьба прямо связана с конкретной исторической личностью.

5 мая 1928 г. Петр Бернгардович Струве опубликовал небольшую статью под названием «Генерал П. Н. Врангель». С нее в номере начинается раздел под названием «Вечная память». Крайне важно, что мыслитель непосредственно сотрудничал с Врангелем на заключительных этапах Гражданской войны и даже входил в состав его правительства. В отличие от Ильина, Струве заостряет внимание не на историческом Провидении, проявившемся в личности, а на характеристике самого Врангеля в качестве политического лидера. По его мнению, Врангель обладал даром «гипнотизма власти» (Струве, 1928: 1) при том обстоятельстве, что у него не было классового чувства и он не придерживался никакой конкретной политической доктрины. Интересно, что, согласно Струве, «гений властвования» отчетливо проявился в телесном облике — он имел в виду «исключительный рост покойного» (Там же). Струве отмечает, что у Врангеля было глубинное понимание общественного мнения — в нем он видит еще одно свидетельство гениальности.

Перед нами парадокс: Врангель — гений властвования, но никакой политической заинтересованности у него не было. В одной из статей Арсеньев приводит воспоминания Василия Витальевича Шульгина: «Он говорил, между прочим, что есть только два интересных занятия: война и охота» (Арсеньев, 2003: 101). В № 35 газеты «Россия» среди множества откликов на смерть Врангеля помещена и статья Шульгина под названием «Дух Врангеля». В ней он развивает тему «варяжества» покойного барона, так как «его предки пришли в Россию из страны Норманов» (Шульгин, 1928: 2). Далее Шульгин отмечает, что у «варягов сильно развито чувство долга». На другой ключевой сюжет в тексте Шульгина также следует обратить внимание: «Он ушел от нас, но получив иное, “высшее назначение”». Но “Врангели”, по мнению Шульгина, как платоновская, *вневременная* идея прошли через всю русскую историю (Там же).

Струве резко выступает против всех, кто говорил о «бонапартизме» Врангеля, проявляющемся в жажде властвования. Напротив, по мнению русского философа, в условиях Гражданской войны и в силу природных дарований Врангель делал то, что должно — был воином, настоящим *рыцарем* и спасал Россию. Следование долгу и чести становится ключевой темой. Все действия Врангеля определяются внутренним императивом долга.

«Разве мы не обречены на поражение?» — можно представить, сколько раз подобным вопросом задавались покинувшие Крым русские эмигранты. Стоит лишь вспомнить Галлиполийское сидение и сам акт спасения русской армии — было ли это возможно без мощного этического стержня и чувства долга, на которые обратила наше внимание статья Струве?

Итак, Врангель — рыцарь. С этим образом принято связывать следование долгу, внутренний императив и важную тему подвига, исполненного *несмо-*

тря ни на что. Так же, как и Ильин, Струве не верит, что физически сильный и одаренный человек мог скоропостижно скончаться. Здесь происходит важнейшая метаморфоза в осмыслении личности Врангеля, она выразилась в следующих словах Струве: «Но эта жизнь не только не прошла даром, она, законченная как земное поприще физического лица, будет жить и действовать как *духовная сила*, как драгоценное наследие, как *неумирающая* традиция, как нерушимый завет, как ярчайший урок Белой борьбы и русского патриотизма» (Струве, 1928: 1). Врангель, спасший русскую армию, превращается в *бессмертный* символ спасения «России духовной».

Из слов Струве можно сделать еще один важный вывод: борьба не закончилась, а точнее, *временная* война закончилась поражением, и теперь начинается борьба *в вечности*. Подвиг Врангеля выводится на принципиально новый уровень и закрепляется русскими мыслителями *в вечности*. «Россия духовная» не занимает более конкретной территории на карте, но у нее есть место в «сердцах» ее спасителей, которые находят физическое пристанище, к примеру, в Сербии и уже оттуда продолжают борьбу, делясь с этим гостеприимным краем содержанием хранимого — самым главным, самым родным.

Уже в 1953 г. Ильин опубликовал небольшую статью под названием «Светлой памяти генерала П. Н. Врангеля», в которой писал: «Но за эти двадцать пять лет наше знамя, принятое из рук покойного Главнокомандующего, не было ни свернуто, ни брошено, ни предано» (Ильин, 1993: 165). Он видит в личности Врангеля хранителя национальной традиции, актуальной для России как прошлого, так и будущего. Философ дает парадоксальное название, которое приводит размышление о «спасении» к завершению: «Это есть традиция русского национального рыцарства». Напомню, что само словосочетание «русский рыцарь» исторически кажется проблематичным, однако философ делает этот парадокс точкой отсчета. Далее Ильин развивает учение о том, кто есть «рыцарственный человек» и как рыцарственный дух проявлялся в истории России. Безусловно, Врангель для него — ярчайший носитель такого духа: «Этому духу служил покойный Главнокомандующий, и Россия уже включила его в пантеон своих национальных героев» (Там же: 167).

Так Ильин завершил статью. Мы видим, что после смерти Врангеля его личность в осмыслении философов приобрела, как писал Шульгин, «высшее назначение». Платоновская идея «Врангелей» — символ вневременной борьбы, особого духа, чувства долга за судьбу России, за спасение «России духовной».

Литература

- Арсеньев А. Б. (2003) «Русские люди всколыхнули наше местечко»: как принимали изгнанников в Сремских Карловцах // Родина. № 10. С. 98–102.
- Арсеньев А. Б. (2010) У излучины Дуная. Русская колония в Нови-Саде // Родина. № 11. С. 148–151.
- Гегель Г. В. Ф. (1990) Философия права: пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. М.: Мысль.
- Врангель П. Н. (1923) [Письмо И. А. Ильину 27 апреля 1923 г.] // Из переписки И. А. Ильина с П. Н. Врангелем // Электронный ресурс [код доступа]: <http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=190> (дата обращения 10 января 2020).
- Ильин И. А. (1993) Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 2 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга.
- Ильин И. А. (2001) Собрание сочинений. [Доп. Т. 6]: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга.
- Струве П. Б. (1928) Генерал П. Н. Врангель: [некролог] // Россия. № 35. 5 мая. С. 1.
- Шульгин В. В. (1928) Дух Врангеля // Россия. № 35. 5 мая. С. 2.

3. Дело сохранения и созидания русской культуры как преодоление последствий Гражданской войны

По подсчетам исследователей, более 42 тысяч русских прибыли на территорию КСХС (с 1929 г. — Королевство Югославия) после революции и Гражданской войны в России (Йованович, 2006: 119). Большинство беженцев, прибывших до эвакуации полков из Галлиполи в 1920 г., имели образование и входили в круги русской интеллигенции (Арсеньев, 1996: 46–99).

Королевство СХС гостеприимно приняло изгнанников и эмигрантов. Король Александр I Карагеоргиевич, воспитанник Пажеского корпуса в Петербурге при российском Императорском дворе, вел русофильскую политику, способствовавшую устройству жизни русских эмигрантов. Их с охотой принимали на государственную службу, из казны были выделены средства на поддержку русских культурных инициатив — от создания Русского научного института в Белграде до многочисленных издательских проектов (Там же).

Русский научный институт в Белграде, созданный после аналогичных организаций в Берлине и Праге, стал важным зарубежным культурным центром и просуществовал дольше других. По приглашению института П. Б. Струве в 1930 г. стал издавать новую газету — «Россия и славянство» — вместо редактируемой им некогда парижской «Возрождение». Издание выходило во Франции, но Струве редактировал его из Белграда. В издании публиковались И. А. Бунин, И. А. Ильин, Ф. Ф. Зелинский, П. А. Кулаковский, Г. А. Острогорский, В. В. Набоков (под псевдонимом В. Сирин), Е. В. Спекторский, А. В. Флоровский, С. Л. Франк. Были опу-

бликованы четыре исследовательские работы самого Струве. Посмертно вышла статья Н. С. Трубецкого (Чурич, 2013).

Особую роль в построении русско-сербских культурных связей играли организованные русскими обществами посещения Сербии русскими учеными, находившимися в эмиграции, для прочтения публичных лекций и ведения научных дискуссий. С одной стороны, это способствовало интеграции русского общества в сербскую научную среду, с другой — укреплению связей сербской науки с европейскими научными институтами, которые представляли приглашенные русские ученые (Йованович, 1996: 42–45). В 1920-е гг. Сербию посетили Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, С. Л. Франк, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, И. Северянин, В. В. Зеньковский и многие другие выдающиеся деятели культуры русского зарубежья (Арсеньев, 1996).

По большому счету академические организации и творческие коллективы создавались для сохранения русской науки и культуры для будущей России. Русская эмиграция сознавала себя носителем подлинной русской культуры, необходимость сохранять, поддерживать и развивать которую была продиктована чувством Родины, «увезенной с собой».

Важным аспектом деятельности обществ и научных организаций было образование русской молодежи в эмигрантской среде, поддержание преемственности научных школ и традиций, сохранение целостности русского сообщества в эмиграции. По подсчетам, приведенным А. Б. Арсеньевым, на территории Югославии в разное время была зарегистрирована 1001 русская эмигрантская организация, почти все прекратили существование к 1941 г. Среди них, помимо научных и культурных, значились многочисленные благотворительные, военные и казачьи, политические организации, профессиональные союзы, а также церковные общины. Многие организации видели целью своей деятельности образование для молодых как способ транслировать и сохранять ценности русской культуры, поэтому большое внимание уделялось устройству преподавания гуманитарных и естественнонаучных дисциплин в русских школах, чтению курсов и публичных лекций, организации концертов и тематических встреч, изданию литературы на русском языке. В общем в Королевстве СХС выходило около 220 периодических изданий, созданных русскими для русских (Арсеньев, 1996).

В публицистике русской эмиграции в Сербии можно встретить призывы к сохранению национальной гордости русского народа, рассуждения о долге оставаться русским и сохранять преданность Отечеству. Опасения перед размыванием идентичности, потерей почвы — сквозной мотив многих эмигрантских текстов. Профессор Г. В. Пио-Ульский в докладе «Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов», изданном при поддержке Союза русских инженеров в Югославии в 1939 г., писал, обращаясь к молодежи: «Гордитесь, что

вы — русские, гордитесь этой чудной культурной страной и не берите пример с тех наших соотечественников-эмигрантов, которые, усвоив хорошо местный язык, стараются забыть, что они — русские. Эти люди не достойны своего Отечества. Кличка “русский” — кличка почетная, и к ней с вполне оправданным уважением должны относиться не только славянские народы, но и иноземцы...» (Пио-Ульский, 1939: 59). Игорь Северянин, уже будучи в эмиграции, писал: «Родиться Русским — слишком мало: им надо быть, им надо стать!»

Воспитание молодежи и поддержание связи эмигрантской культуры с дореволюционной российской осознавались интеллигенцией русской эмиграции как миссия. Благодаря деятельности культурных организаций в Сербии были созданы и получили развитие целые школы: исполнительского искусства, театрального мастерства, гражданской инженерии и архитектуры, медицины. Многочисленные общества, организации и союзы, служившие делу просвещения, создавались зачастую по образцу организаций имперской России. Таким было, например, Русское музыкальное общество в Белграде.

Русское музыкальное общество продолжило традиции одноименного, действовавшего в дореволюционной России при поддержке императорской фамилии и правительства и имевшего отделения во многих губернских городах, а также Общества музыкальных собраний в Санкт-Петербурге. Белградское общество организовывало концерты камерной музыки, публичные лекции, встречи. Например, из Праги благодаря радению учредителей был приглашен к чтению лекций философ И. И. Лапшин, страстный почитатель русской музыки. Он прочел двенадцать лекций «Силуэты русских композиторов». В Белграде позднее печатались статьи Лапшина по эстетике русской литературы.

Один из основателей и вдохновителей Русского музыкального общества в Белграде, В. И. Бельский, прибыл в Сербию с семьей в 1920-х. Бельский известен как либреттист поздних опер Н. А. Римского-Корсакова: «Сказки о царе Салтане», «Золотого Петушка», «Сказания о невидимом граде Китеже и девице Февронии», а также как один из соавторов либретто к опере «Садко». Бельский был, пожалуй, одним из ближайших конфиденентов Римского-Корсакова с 1880-х гг., с начала их плодотворного сотрудничества, вплоть до смерти композитора в 1908 г. Знаменитые современники характеризовали Бельского как тонкого фольклориста, философа, человека разнообразных талантов, знатока русской словесности. В Белграде Бельский стал одним из соучредителей и впоследствии председателем Русского музыкального общества, целью которого было поддержание и распространение русской музыкальной культуры. В письмах сыну композитора Михаилу Николаевичу Римскому-Корсакову, оставшемуся в СССР, Бельский сетовал: «Русская колония, вообще относительно малочисленная, содержит совсем мало любителей настоящей музыки, но тем не менее Русское музыкальное об-

щество конечно устроит что-нибудь в камерных размерах. Может быть, удастся заполучить в Белград Н.Н. Черепнина: тогда дадим и симфонический концерт» (12 июля 1938 г.) (Рахманова, 2016: 158–159).

Музыкальное общество систематически привлекало внимание к русской музыкальной культуре в Сербии и на Балканах. По письмам Бельского ясно, что, хотя музыкальная культура русской эмиграции в Сербии межвоенного периода не сопоставима с петербургской дореволюционной, Сербия с вниманием относится к русскому музыкальному наследию, что следует, например, из имевшего общенациональный масштаб празднования столетия со дня рождения П. И. Чайковского. 8 июня 1940 г. Бельский писал: «Как и всюду, в Белграде усердно празднуется столетие рождения Чайковского, причем на одном радио было уже 16 концертов. Но программы безнадежно толкутся на одном месте. Мое Музыкальное Общество дало камерный концерт, который, кроме фортепианной сонаты, дал более чем 30 романсов, большинство которых было здешней публике незнакомо» (Там же: 163–164).

Бельский сознавал себя популяризатором русской культуры и продолжателем традиции, но в то же время и частью сербского народа. В ноябре 1934 г., после смерти короля Александра I Карагеоргиевича, он сообщал М. Н. Римскому-Корсакову: «Страна *наша* (курсив мой. — А. Н.), как Вы знаете, сейчас в глубокой печали, и вся общественная жизнь, жизнь искусства приостановилась. Приостановилась и затеянная Н. Н. Слатиным постановка “Снегурочки” русскими силами...» (Там же: 139–140).

Король Александр, которого русские эмигранты заслуженно считали благодетелем, облегчая жизнь изгнанников, обеспечил возможность для воссоздания русской культуры в ее духовной полноте. В плане сохранения идентичности идея И. Г. Фихте о том, что самобытный живой развивающийся язык формирует нацию (Фихте, 2009: 117–119, 124–125), выразилась в формировании самосознания русской эмиграции как целого благодаря действиям югославского правительства, позволившим русским работать, учиться и преподавать на родном языке. Ни в одном регионе Запада русские эмигранты не были приняты столь радушно, как на Балканах. В упомянутом выше докладе профессор Г. Н. Пио-Ульский отмечал: «Благородное положение по отношению к русской эмиграции заняла Югославия. Она, несмотря на сравнительно тяжелое финансовое положение страны после Великой войны, оказала русским людям широкое гостеприимство. К приходу русской эмиграции Югославия нуждалась в интеллигентных работниках высокой культуры, и она их нашла в лице русских специалистов, принесших в страну свой опыт, свои знания и любовь к труду» (Пио-Ульский, 1939: 16). Возможно, нигде в Европе не установились столь плотные связи русской культуры с культурой местной, нигде культура русской эмиграции не имела такого влияния. Во многом благодаря этому стала возможна насыщенная научная и культур-

ная жизнь диаспоры. Условно можно было бы представить мотивацию культурной и научной деятельности русской общины как обусловленную, с одной стороны, политически — для пользы будущей России, и с другой, психологически — преодоление травмы потери Родины через созидание ее культуры и продление старой духовной жизни в новых реалиях.

Преодоление кризиса политического поражения стало возможным для русских изгнанников как диаспоры через сохранение культурной идентичности, подразумевающей прочные связи с русской дореволюционной культурой, и через создание новой социальной идентичности — русской эмиграции, Зарубежной России. Разделение России на большевистскую, советскую, и старорежимную, эмигрантскую, до сих пор приводит к поляризации исследований русской культуры XX столетия, где оба полюса русской жизни представлены отдельно, хотя изначально они существовали с оглядкой друг на друга. Как бы там ни было, в сознании эмигрантов русская культура в эмиграции стала центром национальной жизни. Благодаря усилиям эмиграции культура, наука, хоть и перемещенные на чужие территории, развивались на национальной почве, наследуя традициям академической науки дореволюционной России. Формула «мы увезли Россию с собой» справедлива для русской эмиграции, поскольку идея свободного и творческого созидания культуры стала идеей спасения нации.

Литература

- Арсеньев А. Б. (1996) Русская диаспора в Югославии. I. Культурные организации русской интеллигенции в Югославии. II. Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик. С. 46–99.
- Йованович М. (1996) Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования. // Русская эмиграция в Югославии. М.: Индрик. С. 27–45.
- Йованович М. (2006) Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Русский путь.
- Пио-Ульский Г. Н. (1939) Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград.
- Рахманова М. П. (2016) Письма В. И. Бельского к Андрею Николаевичу и Михаилу Николаевичу Римским-Корсаковым // Искусство музыки: теория и история. № 15.
- Римский-Корсаков Н. А. (2004) Переписка с В. В. Ястребцевым и В. И. Бельским / сост. Л. Г. Барсова. СПб.: Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова.
- Финдрейзен Н. Ф. (1909) Очерк деятельности С.-Петербургского отделения императорского Русского музыкального общества (1859–1909). СПб.: Типография Главного Управления Уделов.
- Фихте И. Г. (2009) Речи к немецкой нации / пер. с нем. А. А. Иваненко. СПб. Наука.
- Чурич Б. (2013) «Записки Русского научного института в Белграде» // Русское зарубежье и славянский мир: Сб. трудов. Белград: Славистическое общество Сербии. С. 303–317.

4. Осмысление Гражданской войны П. Б. Струве.

Право побежденных

Для многих философов-эмигрантов, горящих своими идеями, с победой большевиков в Гражданской войне борьба не окончилась. Одним из стойких бойцов стал Петр Бернгардович Струве, непосредственный участник белого движения. Как отмечает его близкий друг Семен Франк, Струве был первым, кто ясно осознал себя русским патриотом и вел патриотическую проповедь (Франк, 1997: 488). Именно поэтому, оказавшись вдали от родины, Струве еще активнее стремился восстановить Россию, освободить ее от вредоносного большевизма. В статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», входящей в сборник «Из глубины», Струве дал однозначную оценку событиям: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором» (Струве, 2009: 848). Его голос будто окреп после поражения в войне, он не опустил знамен, но лишь поменял арену боевых действий на публицистическое поле и действовал словом. Струве видел необходимость в возрождении России. Задача эта стояла теперь не только перед политическими деятелями, но перед всем литературным, публицистическим миром.

В эмиграции Струве активно занимался публицистической деятельностью. Прежде всего, он возобновил работу «Русской мысли», стал редактором газеты «Возрождение», после чего в разные годы имел отношение к разным публицистическим изданиям, в которых звучал голос проигравших, но непобежденных.

Если бы мы задали философу вопрос: «Белые проиграли?», ответ Струве был бы резко отрицательным. В 1920 г. Струве уверенно стоял на своей позиции, заявляя сознательно, что борьба с большевизмом не просто не прекратится, а станет еще громче и приобретет всесторонний характер. Через несколько лет после окончания Гражданской войны родился «Дневник политика», в котором Струве развивал идеи консервативного либерализма. Осмысление событий, происшедших в любимой России в первой четверти XX в., Струве считал первостепенной задачей: он поставил ее перед собой и ни разу с пути не свернул. В обращении к прошлому он видел возможность разобраться с настоящим: ошибки не должны быть повторены, и единственный способ освободиться от власти большевиков — изучить и переосмыслить опыт как собственный, так и вражеский (Вандалковская, 2004: 9).

Кому это под силу, если не публицисту? Вера Струве в неизбежное Возрождение России, его преданное отношение к своей стране оказались заразительны. В эмиграции политик и философ начал новую войну, культурную. Ее масштаб позволяет назвать его одним из самых плодотворных и влиятельных деятелей русского зарубежья. Берлин, Прага, Париж, София, Белград — эти города были центрами эмигрантской России того времени. По окончании войны каждая заметка

и статья русского философа были посвящены критике идей большевизма, рассуждениям о революции и истоках гибели прежней России, анализу последствий происшедшей катастрофы.

В эмиграции Струве продолжал отстаивать идею либерального консерватизма, его не покидала надежда на светлое будущее России, очищенной от «красной» болезни. Как и до эмиграции, Струве полагал, что возвышению Великой России препятствовала как интеллигенция, так и сам народ. Отщепенство извращенно воспитанной интеллигенции оказалось разрушительной силой, положило начало быстро разрастающейся катастрофе того времени (Струве, 2009: 851). «Только если русский народ будет охвачен духом истинной государственности и будет отстаивать ее смело в борьбе со всеми ее противниками, где бы они ни укрывались, — только тогда, на основе живых традиций прошлого и драгоценных приобретений живущих и грядущих поколений, будет создана — Великая Россия» (Струве, 1997: 63), — писал он задолго до Гражданской войны.

Философ полностью отдавал жизнь идее возрождения России, озвучивал свою мысль ежедневно, выпуская политические статьи в газетах, откликаясь на каждый шорох, доносившийся из России. Как отмечает Владимир Кантор, тотальное углубление Струве в политику лишало его «культурной прозорливости» (Кантор, 2012: 176), он уходил из сферы культурного в сферу политического, позабыв о своем призыве к всесторонней борьбе, сделав акцент на политике. Нельзя сказать, что это было ошибкой. Струве стал не просто публицистом, он был талантливым политиком, а патриотическое чувство одухотворяло каждое написанное им слово. Полностью охваченный идеей возрождения России и борьбы с большевизмом, Струве будто забыл о своем философском таланте: он ограничивался политической публицистикой, что существенно затрудняет процесс реконструкции его философских идей.

По мнению исследователей, фигура Петра Бернгардовича Струве остается ключевой для истории России и русского зарубежья первой половины XX в., «одной из вершин русской социально-философской мысли» (Жукова, Кантор, 2012: 10). Публицистическая форма, избранная Струве для передачи размышлений о Гражданской войне, ее предпосылках и последствиях, обладала особой мощью благодаря «живому слову», которое так восхищало Семена Франка (Франк, 1997: 493).

Таким образом, Струве не согласился бы с формулировкой, которую мы выбрали в качестве подзаголовка: белые не были побеждены в Гражданской войне, они проиграли, но не сдались. Переместив борьбу на другое поле, Струве оставался бойцом, верным служителем России, настоящим патриотом, готовым сражаться до последнего слова.

Литература

- Жукова О. А., Кантор В. К. (2012). Вступительная статья: Мужество быть. К философской характеристике П. Б. Струве // Петр Бернгардович Струве / под ред. О. А. Жуковой и В. К. Кантора. М.: РОССПЭН.
- Кантор В.К. (2010) Петр Струве: Великая Россия, или Утопия, так и не ставшая реальностью // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 11. № 4. С. 19–40.
- Струве П. Б. (2004) Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь.
- Струве П. Б. (1997) *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика.

5. Заключение

Государства Балкан стали одним из наиболее значимых центров притяжения русских эмигрантов во время Гражданской войны. В 1919–1920 гг. туда отправились сотни тысяч людей с юга России. Их судьбы складывались по-разному. Но многие оказались вовлечены в сложный процесс преодоления последствий российской катастрофы. Спасение гражданских лиц и армии, сохранение культуры и осмысление происшедшего — вот первостепенные задачи, вставшие перед эмиграцией. Оказавшись в зарубежье, русские люди не перестали считать себя частью России. Наоборот, они приняли на себя обязательства перед ней. Мыслители и организации, о которых шла речь в нашей статье, — П. И. Врангель, Русское музыкальное общество, П. Б. Струве — были не единственными участниками этих процессов, однако на их примере можно показать задачи, стоявшие перед русскими эмигрантами, и объем усилий, требовавшийся для их выполнения.

**RUSSIAN EMIGRATION —
A CONSEQUENCE OF THE CIVIL WAR:
SALVATION, PRESERVATION OF CULTURE AND COMPREHENSION**

Arsenij Kuman'kov,

HSE University, Senior Lecturer. E-mail: senykum@gmail.com (2)

Daniil Morozov,

HSE University, student. E-mail: damorozov1997@gmail.com (3)

Anna Nasyrova,

Lomonosov Moscow State University, Postgraduate.

E-mail: anna.bakhrushina@gmail.com (4)

Tat'jana Aleksanova,

HSE University, student. E-mail: t.alex.soul@gmail.com (5)

The First World War, Revolution and Civil War are historical milestones. Comprehending them, a contemporary researcher sees huge panoramas of the fate of Russia unfolding in the beginning of the 20th century. Is it worth reproducing the long chain of historical events that led the Russian emigration to Serbia? We are interested primarily in searching for causal relationships. The starting point will be the presence of Russian emigrants in Serbia — not how exactly they got into this hospitable region. In this way we will get the opportunity not only of a historical, but also of a historical, cultural comprehension of the “consequences of the Civil War in Russia” for emigrants and for Serbia.

Vivid examples of the mutual influence of both sides can be found in a short article by Aleksej Borisovich Arsenyev “At the bend of the Danube. The Russian colony in Novi Sad”. He introduced the participants to this work during the summer school “Russian Emigration in Serbia: Portraits and Fates” (August 25–31, 2019). Arsenyev reflected a lot of interesting details of the Russian-Serbian interaction in the lecture read in Matica Serbian, the oldest Serbian literary and scientific community, founded in 1826.

We decided to reveal the topic of the presence of Russian emigrants who came to Serbia after the Civil War through three key concepts, each of them is dedicated to a small fragment of the text: the salvation of Russian culture, its preservation and comprehension of the Civil War. We believe that this is the most accurate way to convey how the emigrants understood their place in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (KSHS) and the mission of sustaining the life of Russian culture, which, as they comprehend it, lies with them.

Key words: Civil War, emigration, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (KSHS), P. N. Vrangeli, I. A. Il'in, P. B. Struve, V. I. Bel'skij, personalities of Russian culture in exile.

References

- Arsen'ev A. B. (1996) Russkaja diaspora v Jugoslavii. I. Kul'turnye organizacii ruskoj intelligencii v Jugoslavii. II. Russkaja intelligencija v Voevodine [Russian Diaspora in Yugoslavia. I. Cultural Organizations of the Russian Intelligentsia in Yugoslavia. II. Russian Intelligentsia in Vojvodina]. *Russkaja Jemigracija v Jugoslavii [Russian Emigration in Yugoslavia]*, Moscow: Indrik. Pp. 46–99 (In Russian).
- Arsen'ev A. B. (2003) «Russkie ljudi vskolyhnuli nashe mestechko»: kak prinimali izgnannikov v Sremskih Karlovcah [“Russian People Stirred up our Place”: how they Treated Exiles in Sremsky Karlovtsy]. *Rodina. Rossijskij istoricheskij zhurnal [Homeland. Russian historical journal]*, 2003, no10, pp. 98–102 (In Russian).
- Arsen'ev A. B. (2010) U izluchiny Dunaja. Russkaja kolonija v Novi-Sade [At the Bend of the Danube. Russian Colony in Novi Sad], *Rodina. Rossijskij istoricheskij zhurnal [Homeland. Russian Historical Journal]*, 2010, no11, pp. 148–151 (In Russian).
- Churich B. (2013) «Zapiski Russkogo nauchnogo instituta v Belgrade» [“Notes of the Russian Scientific Institute in Belgrade”], *Russkoe zarubezh'e i slavjanskij mir: Sb. trudov [Russian Abroad and the Slavic World: Proceedings]*. Belgrade: Slavisticheskoe obshhestvo Serbii. Pp. 303–317 (In Russian).
- Fihite I. G. (2009) Rechi k nemeckoj nacii [Speech to the German nation] (transl. by A. A. Ivanenko), St. Petersburg: Nauka (In Russian).
- Findrejzen N. F. (1909) Oчерk dejatel'nosti S.-Peterburgskogo otdelenija imperatorskogo Russkogo muzykal'nogo obshhestva (1859–1909) [Essay on the Activities of the St. Petersburg Branch of the Imperial Russian Musical Society (1859–1909)]. St. Petersburg: Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov (In Russian).
- Hegel G. W. F. (1990) Filosofija prava [Philosophy of Law] (transl. by M. I. Levina, B. G. Stolpner), Moscow: Mysl' (In Russian).
- Il'in I. A. (1928) Russkomu rycarju [Russian Knight]. *Rossija*, Paris, 1928, no 35, 5 may, p. 2 (In Russian).
- Il'in I. A. (1993) Svetloj pamjati generala P. N. Vrangelja [In the Memory of General P.N. Wrangel], *Sobranie sochinenij [Collected Works]*, 10 Vols, Vol. 2, T. 2. Moscow: Russkaja kniga (In Russian).
- Il'in I. A. (2001) *Sobranie sochinenij [Collected Works]*, Add. Vol. 6: Stat'i. Lekcii. Vystuplenija. Recenzii [Articles. Lectures. Performances. Reviews] (1906–1954). Moscow: Russkaja kniga (In Russian).
- Jovanovich M. (1996) Rossija v izgnanii. Granicy, masshtaby i osnovnye problemy issledovanija [Russia in Exile. The Boundaries, Scope and Main Problems of the Study], *Russkaja jemigracija v Jugoslavii [Russian Emigration in Yugoslavia]*. Moscow: Indrik. Pp. 27–45 (In Russian).

- Jovanovich M. (2006) Russkaja jemigracija na Balkanah: 1920–1940 [Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940]. Moscow: Russkij put' (In Russian).
- Kantor V. K. (2010) Petr Struve: Velikaja Rossija, ili Utopija, tak i ne stavshaja real'nost'ju [Peter Struve: Great Russia, or Utopia, which Never Became Reality], *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], Vol.11, no 4, pp. 19–40 (In Russian).
- Levitov M. N. (1974) Materialy dlja istorii Kornilovskogo udarnogo polka [Materials for the History of the Kornilov Shock Regiment], Paris: Societe Dimprimerie Periodiques et Dediton [Paris: Periodical Printing and Publishing Company]. Available at: <http://volunteerarmy.ru/put-v-emigraciyu.html> (accessed 27 February 2020) (In Russian).
- Pio-Ul'skij G. N. (1939) Russkaja jemigracija i ee znachenie v kul'turnoj zhizni drugih narodov [Russian Emigration and its Significance in the Cultural Life of Other Peoples]. Belgrade (In Russian).
- Rahmanova M. P. (publ.) (2016) Pis'ma V.I. Bel'skogo k Andreju Nikolaevichu i Mihailu Nikolaevichu Rimskim-Korsakovym [Letters of V.I. Belsky to Andrei Nikolaevich and Mikhail Nikolaevich Rimsky-Korsakov], *Iskusstvo muzyki: teorija i istorija* [The Art of Music: Theory and History], no 15 (In Russian).
- Rimskij-Korsakov N. A. (2004) Perepiska s V. V. Jastrebtsevym i V. I. Bel'skim [Correspondence with V.V. Yastrebtsev and V.I. Belsky]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaja gosudarstvennaja konservatorija im. N. A. Rimskogo-Korsakova (In Russian).
- Shul'gin V. V. (1928) Duh Vrangelja [Wrangel Spirit] *Rossija*, Paris, 1928, no 35, 5 may, p. 2 (In Russian).
- Struve P. B. (1928) General P. N. Vrangel': [nekrolog] [General P.N. Wrangel: (Obituary)], *Rossija*, Paris, 1928, no 35, 5 may, p. 1 (In Russian).
- Struve P. B. (2004) Dnevnik politika (1925–1935) [Politician Diary (1925–1935)]. Moscow: Russkij put' (In Russian).
- Struve P. B. (1997) Patriotica: Politika, kul'tura, religija, socializm [Patriotica: Politics, Culture, Religion, Socialism]. Moscow: Respublika (In Russian).
- Vrangel' P. N. (1923) Pis'mo I. A. Il'inu 27 aprelja 1923 g. [Letter to I.A. Ilyin April 27, 1923]. Iz perepiski I. A. Il'ina s P. N. Vrangelem [From the Correspondence of I.A. Ilyin with P. N. Wrangel]. Available at: <http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=190> (accessed 10 February 2020) (In Russian).
- Zhukova O. A., Kantor V. K. (2012). Vstupitel'naja stat'ja: Muzhestvo byt'. K filosofskoj harakteristike P. B. Struve [Introductory Article: The Courage to be. To the Philosophical Characteristic of P. B. Struve]. *Petr Berngardovich Struve* [Peter Bernhardovich Struve]. Moscow: ROSSPJeN (In Russian).